

V. ДИСКУССИИ

УДК 930/908

Н.М. Дмитриенко

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ТОМСКА

Рассматривается версия археолога М.П. Чёрной о месте основания Томска на северо-западном мысе Воскресенской горы, приводится доказательство того, что Томская крепость в 1604 г. была построена на юго-восточном отроге южного мыса Воскресенской горы.

Ключевые слова: история Томска, XVII век, исторические источники.

В последние годы, а особенно во время подготовки к 400-летию юбилею Томска, вышло множество статей и книг, в которых освещены новые или хорошо забытые моменты томской истории. И среди них настоящей сенсацией стали работы археолога М.П. Чёрной. В отличие от своих предшественников, изучавших начальную историю Томска только по письменным источникам, М.П. Чёрная привлекла археологические материалы, которые сама же и раскопала на Воскресенской горе, где провела несколько археологических сезонов. Проведённые работы позволили ей сказать, что «в ходе раскопок со всей очевидностью обнаружилось отсутствие на южном мысе Воскресенской горы каких-либо следов русской застройки первой половины XVII в.» [1. С. 85]. По свидетельству М.П. Чёрной, «...на мысе отсутствуют культурные напластования с руинами города первой половины XVII в. Оборонительные стены, внутрикрепостные сооружения, коллекции предметов материальной русской культуры и быта относятся ко второй половине XVII–XVIII в.; памятник датируется не ранее чем серединой XVII в. и представляет собой остатки кремля, построенного в 1648 г.» [1. С.84]. И самое главное её заключение: «В 1648 г. центр города был перенесен на новое место и кремль *впервые* был построен на южном мысе Воскресенской горы...» [1. С. 87].

На страницах своей книги «Томский кремль» М.П. Чёрная не устаёт повторять о том, что городское укрепление было построено на южном мысе Воскресенской горы впервые в 1648 г., что южный мыс это «не первое историческое местоположение Томска» и что Г.Ф. Миллер (как и все последующие авторы, писавшие об основании Томска) ошибается, совмещая местоположение города 1604 и 1648 гг. [1. С. 6, 15, 16, 20]. Она допускает, что полученный результат «пока непривычен», но вполне уверена, что он «имеет большую ценность: состоялся переход от мифа, увековеченного в камне, к исторической реальности». И далее резюмирует: «Это показательный пример того, что ссылки на хорошую память Томска о своей истории не всегда обоснованы» [1. С. 85].

Для обоснования своей позиции М.П. Чёрная привлекает многие из известных в настоящее время исторических источников, однако чаще всего даёт им отрицательную оценку. Так, она явно недооценивает «Роспись Том-

скому городу и острогу» 1626/27 г., которая представляет собой годовой отчет томских воевод о военном и хозяйственном состоянии городского укрепления и содержит подробные сведения о длине и высоте городских и острожных стен, о расположении их относительно природных объектов, сохранившихся до наших дней. Не замечая этого важнейшего достоинства подлинного документа начала XVII в., М.П. Чёрная называет как недостаток «отсутствие ориентировки по сторонам света, приблизительную, «плавающую» топографическую привязку» [1. С. 10]. Сомневается она также и в точности и достоверности сведений картографических источников, в частности плана Томска, составленного в 1767 г. профессиональным геодезистом Петром Григорьевым (сама же ошибочно датирует составление этого плана 1768 г.) [1. С. 10–13, 127].

Нужно отметить, что М.П. Чёрная ставит главной целью своего исследования датировать раскопанные ею тарасные конструкции, некоторые жилые и хозяйственные постройки на южном мысе. При этом она предупреждает, что ею «не рассматривается вся коллекция хозяйственного и бытового инвентаря, большинство предметов которой не имеет чётких временных рамок» [1. С. 36]. Тем не менее датирует найденные во время раскопок фрагменты «поливных зеленых изразцов» временем «не ранее середины XVII – третьей четверти XVII в.», ссылаясь на то, что такие изразцы стали изготавливать в Москве в середине XVII в. В качестве «датирующего материала» автор использует также керамические изделия, в частности сковороды, а для определения времени привоза их в Томск использует только таможенные книги 1652 г. [1. С. 68, 69, 72]. Но в источниках зафиксировано, что в Томском городе в 1616–1640 гг. использовались изразцы для облицовки, «образцы кирпичные» и «блюда сковородчатые» [2. С. 152, 259]. В таможенной книге 1640 г. есть запись о том, что в Томск привозили наряду с ножами и вятскими ложками также «сковороды грельные», «блюда сковородчатые» [3. С. 146–147]. Привлечение названных источников позволяет, по крайней мере, усомниться в возможности датировать начальную томскую историю по археологическим материалам с точностью до десятилетия. Найденные М.П. Чёрной вещевые источники, которые она однозначно относит ко времени после постройки укрепления в 1648 г., могли оказаться на Воскресенской горе и в более ранний период.

Своё убеждение в том, что русские казаки не могли возвести крепость на южном мысе в 1604 г., М.П. Чёрная подкрепляет сообщением о старинных татарских могилах, найденных археологами. Она пишет: «Русские, знавшие, что мыс является погребальным памятником еуштинцев, сочли невозможным использовать это место для закладки в 1604 г. государева города» [1. С. 87]. По её мнению, отношения русских и томских татар могли бы даже прерваться «вооружённым конфликтом», если бы русские первопоселенцы осквернили место татарских захоронений строительными работами или «непрестанным хождением по территории могильника». Следует, однако, заметить, что нет точных сведений, были ли похоронены на южном мысе тояновы татары, известно лишь, что это были сибирские татары. Нужно также вспомнить, что князь Тоян обратился с челобитной к русскому царю, а не

наоборот, что он высоко ценил полученные от русских льготы в уплате ясака, поэтому вряд ли мог что-либо диктовать или требовать от русских пришельцев. Выговаривая льготы, князь Тоян ни разу не обмолвился о каких-то могилах, а, напротив, предлагал свои услуги в деле подчинения сибиряков интересам русского государства. В Наказе Бориса Годунова, направленном 25 марта 1604 г. Г.И. Писемскому и В.Ф. Тьркову, так излагалась просьба Тояна: «...бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси ис Сибири Томские волости Таян князь, чтоб великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси его пожаловати, велел ему быть под государевою царскою высокою рукою и велети бы в вотчине его в Томи поставить город, а место де угоже и пашенных де людей устроить мочно; а ясачных де людей у него триста человек; и как де город поставят и те его ясачные люди под государевою царскою высокою рукою и ясак учнут платити, а которые де и будут около того города государевы непослушники и он Таян учнет про них сказывать и приводить их под государеву царскую высокою руку» [4. С. 41].

Далее в Наказе указывалось главное, ради чего князь Тоян обращался к русскому царю: «И великий государь царь и великий князь Борис Федорович... челобитье их милостиво выслушав их пожаловал велели у них в их земле в Томи поставить город и велели их от недругов от дальних земель всем оберегати, чтоб им ни от кого насильства и обиды некоторые не было, и ясака с них до своего государева указу имати не велели, а велели их беречи и льготить им во всем. И они бы Томские волости князцы и лучие и средние люди были под государевою царскою высокою рукою и велели людем своим на городовое дело лес ронити и возити и город ставит из государевыми служилыми людьми вместе...» [4. С. 42].

Необходимо отметить, что трепетное отношение к могилам, какое М.П. Чёрная пытается отыскать в XVII в., явно не было свойственно в то время ни русским пришельцам, ни сибирским обитателям. Иначе они не хоронили бы в непосредственной близости к своему жилью, как это было сделано самими русскими, устроившими первое кладбище в самом остроге, около Троицкой церкви, а затем – в посаде, вблизи Богоявленской церкви. Выказывая такое отношение к «своим» могилам, почему томские первопоселенцы должны были особо оберегать татарские захоронения? История покорения Сибири русскими, судя по старинным сибирским летописям, полна убийствами, коварством, насилием над людьми и их верованиями: сибиряков убивали или захватывали в плен, пригласив, например, в гости, как это случилось с князем Сейдяком и царевичем Салтаном в Тобольске в 1587 г. После боя с царевичем Маметкулом Ермак распорядился похоронить погибших казаков на Саусканском мысе, на царском татарском кладбище [5. С. 556, 559].

О прагматическом отношении сибиряков к захоронениям свидетельствуют и материалы, приведенные Е.А. Васильевым, который установил, что пришедшие в низовья Томи кыпчакские племена хоронили своих умерших сородичей в старых ирменских курганах [6. С. 21]. Характерно, что ни в одной из опубликованных грамот или царских наказов в сибирские города ни разу не говорилось о старых могилах, по-видимому, этот вопрос в те времена

не имел сколько-нибудь важного значения либо решался на месте без конфликтов. В то же время вопросы семейно-бытового характера – о жёнах, детях, взятых в плен или оставшихся без попечения, а также о больных или увечных людях, не способных платить ясак, в названных документах встречаются нередко [7. С. 325–450].

Нельзя не учитывать и то, что поставленные в крайне ограниченные сроки сооружения Томской крепости (немногим более 2 месяцев), русские пришельцы вряд ли могли больше заботиться о духовных интересах татар, чем о собственной жизни и необходимости выполнить царский наказ закрепиться на берегах Томи и начать собирать ясак. В таких условиях вряд ли несколько старых татарских могил могли помешать Г.И. Писемскому и В.Ф. Тыркову принять решение строить город на южном мысе, ведь не помешали же эти могилы выстроить на них воеводский дом в 1640-х гг. Тем более что, по свидетельству археолога Я.А. Яковлева, для обитателей Приобья позднего Средневековья было характерно «захоронение умерших в непосредственной близости от поселения» [8. С. 466].

Опровергнув, как ей кажется, факт основания Томского города на южном мысе Воскресенской горы, М.П. Чёрная пытается определить его первоначальное местоположение [9. С. 14]. И на этот раз пользуется не материалами археологических раскопок, а сохранившимися историческими документами и собственными визуальными наблюдениями. Обследуя ландшафт центральной части современного Томска, М.П. Чёрная выявила ещё одну «высотную доминанту» – северо-западный мыс Воскресенской горы, разделяющий современные Кузнечный и Октябрьский (Воскресенский) взвозы. По её мнению, этот мыс целиком соответствует и требованию Бориса Годунова – «выбрать пригорок знатной вышины», и документальному описанию Томского города, сделанному в «Росписи» 1626/27 г. Она справедливо отмечает: «Обращает на себя внимание треугольная форма северо-западного мыса, отличающаяся от прямоугольного южного мыса. Известные по «Росписи» параметры города 1604 г. по форме и площади явно не соответствуют южному мысу, но точнее вписываются в конфигурацию именно северо-западного мыса, на узкой части которого могла располагаться и самая короткая (6 саж., или 12,3 м) городская стена» [9. С.15]. А затем даёт беглое сравнение других параметров северо-западного мыса с теми, что указаны в «Росписи»: «Здесь Томск ориентирован относительно р. Томи и р. Ушайки, а также болота, расположенного либо к юго-востоку от мыса, внутри «подковы» горы, либо у его подножия» [9. С. 15]. Однако в «Росписи» прямо сказано: «Стена другая городская от болота...» [10. С. 44]. Не было и не могло быть болота у северо-западного мыса, который с востока и запада ограничен оврагами, а остриём упирается в прибрежную песчаную равнину, позже названную Песками. В «Росписи» 1626/27 г. говорится, что замыкающая «стена городская четвертая от Ушайки реки» [10. С. 44], а северо-западный мыс, как это хорошо видно и по сию пору, ориентирован своей «четвертой» стороной на запад, на р. Томь. Явно не сходятся данные «Росписи» с реальной топографией северо-западного мыса.

Допуская, что в 1604 г. Томский город был основан не на южном мысе Воскресенской горы, а в каком-то другом месте, мы сталкиваемся, по крайней мере, с двумя вопросами. Первый из них состоит в следующем: если томское укрепление впервые было выстроено на южном мысе Воскресенской горы только в 1648 г., следовательно, требовался перенос на новое место ранее сооружённых в крепости воеводских хором, съезжей избы, кладовых «мягкой рухляди», зелёных погребов. Очевидно, что такой перенос — дело серьёзное, требующее немалых затрат. Почему же никаких сведений о нём не отложилось ни в документах, ни в памяти народной, в то время как в письменных источниках XVII в. довольно часто встречаются указания на переносы с одного места на другое и городских укреплений, и отдельных строений в других городах Сибири. Так, согласно сведениям Н.Н. Оглоблина в фонде Сибирского приказа хранились архивные дела о перенесении на новое место г. Мангазеи (1719–1781 гг.) и г. Якутска вверх по р. Лене на 700 сажень от старого острога (1786–1796 гг.). В архивном деле 1710 г. излагалась челобитная кетских служилых людей о выдаче государева жалованья на постройку церкви в новом остроге, перенесенном со старого места в 17169 г. [11. С. 45–46]. В «Книге записной», ранней редакции протографа сибирского летописного свода XVI–XVII вв., присутствует запись о том, что «во 108-м году при сих воеводах перенесен Тобольский рубленой город, что из Лодейного лесу, с Троицкого мысу на другую сторону Торгового звозу на мыс. И стоял тот Лодейный город по 114-й год» [12. С. 7].

Что касается Томска, то сохранились архивные сведения о ремонте города в 17140 г. (то есть в 1632 г.) и материалы, связанные с перестройкой крепостного сооружения в 1648 г., но нет ни слова о переносе городских укреплений [11. С. 46–352]. Можно также добавить, что, изучая томское восстание 1648–1649 гг., Н.Н. Покровский подробно, с опорой на столбцы Сибирского приказа, показал службы томских казаков. Они караулили зелёный погреб, запасы пушнины, стояли у городских ворот, выезжали со сторожевыми разъездами за территорию города, по соседним заимкам и деревням вплоть до устья Томи, ездили в длительные «посылки» в Тобольск и другие сибирские крепости [13. С. 160–165]. Однако исследователь ни разу не упоминает о необходимости двойных караулов — в старом и новом укреплении, что, конечно же, будь они в реальности, в случае переноса укрепления со старого места на новое значительно обременяли бы казаков и не могли не быть отмеченными в их отписках и челобитных.

Точно так же нет никаких упоминаний о возможной передвижке Троицкой церкви, которая, по уверенному мнению Д.Н. Беликова, была выстроена «внутри тынного ограждения», то есть на территории острога, не позже 1606–1607 гг. [14. С. 3]. В одном из документов 1630 г. говорилось о намерении «зделать на городской башне колокольню» [2. С. 50]. И действительно, колокольня Троицкой церкви на карте Петра Григорьева 1767 г. указана в стеновой башне Томской крепости [15. С. 30–31]. Об этом же писал в 1734 г. Г.Ф. Миллер: «...В крепости находятся: соборная церковь Святой Троицы с колокольней на окружной крепостной стене...» [16. С. 73].

Из отписки царю томского воеводы Василия Волынского 1609 г., а также по сведениям 1648 г. известно, что Троицкая церковь в Томске исправно функционировала без каких-либо ограничений [13. С. 126, 136; 17. Стб. 183–186]. Кроме того, в документах Сибирского приказа, которые использовал Н.Н. Покровский, обнаружено весьма важное свидетельство о том, что в феврале 1649 г. в соборной Троицкой церкви был отслужен молебен, затем прочитаны грамоты из Москвы. То же имело место и в апреле 1649 г. При этом из контекста документа ясно видно, что ничего необычного с церковью не случилось, судя по всему, она стояла на своем первоначальном месте, то есть в Томском укреплении. А вот о том, что глава восставших Илья Бунаков «сидит на казачьем дворе за городом мимо твоей государевы съезжей избы», было отмечено как казус, стоивший внимания московских властей [13. С. 276–277, 298].

И если в документах Сибирского приказа содержатся сведения о посылке в томские церкви антиминсов, о выдаче денег «попам» Томского разряда «на молебны и за святые воды» в царские дни, о посылке церковных книг и богослужебных принадлежностей, о назначении окладов руги «попам и всему крылосу» в 1626 г., то ни в одном из них не говорится о каких-либо действиях по отношению к зданию Троицкой церкви [11. С. 19–84]. Н.Н. Покровский писал, что и в 1648 г., когда началось восстание в Томске, и в 1649 г. церковные службы в Троицком соборе и трёх приходских храмах Томска шли «по-прежнему», «своим чередом». В его монографии подробно описаны взаимоотношения церковных и светских властей Томска, вплоть до того, в каком из томских храмов отмечался тот или иной праздник, где прятали отписки и жалобы на восставших священнослужители, но ни разу не упомянуто о переносе Троицкой церкви, что наверняка, будь он, имело бы большой резонанс [13. С. 219–228]. Следовательно, можно смело утверждать, что первая томская церковь стояла на южном мысе со времени основания.

Знакомство с гипотезой М.П. Чёрной о месте основания Томска вызывает и такой вопрос: что же могло помешать русским казакам изначально построить крепость на южном мысе? Ведь сама М.П. Чёрная подчеркивает, что «выбор южного мыса Воскресенской горы под строительство нового «города» был не только правильным, но наилучшим...», особенно «для реализации военно-оборонительной функции» [1. С. 91]. А как раз эта функция была определяющей в 1604 г. Не случайно Г.Ф. Миллер, осматривавший место основания города Томска в 1734 г. и, по некоторым сведениям, видевший подлинник Наказа Бориса Годунова о строительстве Томского укрепления, писал: «Что надлежит до места, которое под город Томск выбрано, то и по долговременном искании лучшего и способнейшего в тамошней стране найти не можно бы было» [18. С. 396]. Неужели же всех этих преимуществ не видели первооснователи? Конечно же, видели, поэтому и сообщается в «Книге записной», что был «поставлен Томской город острогом на Томе реке, вверх по Оби реки, на горе, над Ушайкой речкою» [12. С. 8]. То есть на южном мысе Воскресенской горы, поскольку никакого другого возвышения вблизи Ушайки нет.

И действительно, не могли первостроители послушаться царя, который наказывал: «...Под город место высмотреть где пригоже и на чертеж начертити и велети место очистити упрося у бога милости город поставити в крепком месте...» [4. С. 42]. А самым «пригожим» местом был как раз южный мыс горы, позже названной Воскресенской. Известно, что в силу чрезвычайно малой площади Томского города, для размещения служилых людей сначала построили острог в непосредственной связи с городским укреплением, а в 1610-х гг. началось сооружение посада, который занял правый берег р. Ушайки (современная площадь Ленина), то есть непосредственно под южным мысом Воскресенской горы. В посаде не позднее 1620 г. возвели церковь Богоявления Господня. Эта дата стала известна из Грамоты царя Михаила Фёдоровича, посланной в 1621 г. к архиепископу Сибирскому Киприану. В ней говорилось, что в 1620 г. в Томск в новостроенную Богоявленскую церковь был направлен «поп Трофим», но он до Томска не доехал, остался в Тобольске, а в томской церкви служить некому. Царская грамота требовала «выслать» того «попа Трофима» в Томск [19. С. 176].

В 1630 г. все постройки обнесли новым укреплением «около подгородного всего посаду по обе стороны реки Ушайки», которое, по данным З.Я. Бояршиновой, почерпнутым ею в документах Сибирского приказа, защищало избы, расположенные «на лугу», по берегам Ушайки. Укрепление стали называть нижним острогом, в отличие от верхнего, расположенного наверху, на Воскресенской горе [20. С. 33]. (А в случае, если первая Томская крепость располагалась бы не на южном мысе, а в каком-то другом месте, то наверняка и посад выстроили бы рядом с ней, а не в отдалении.)

На территории посада, или нижнего острога, селились посадские (или жилецкие) люди, а также и служилые люди (казаки). Посад стал органичной частью томского поселения, обитатели Томска постоянно перемещались из верхнего острога в нижний и обратно. Так, согласно документальной информации, которую ввёл в научный оборот Н.Н. Оглоблин, участники городского восстания 1648 г. заводили «тайные круги» на площади в остроге, за острогом и на площади у Богоявленской церкви [21. С. 24]. Цитируя архивные документы, Н.Н. Покровский писал, что руководитель восстания томских служилых людей Илья Бунаков в первых числах августа 1648 г. (то есть в то время, когда новое укрепление ещё не было построено) «спустился из острога под гору к церкви Богоявлений», чтобы обратиться к посадским людям за подкреплением против князя Осипа Щербатого [13. С. 254]. В «Книге записной» указывалось, что горожане князю Осипу Щербатому «от воеводства отказали, а в подсудство дались, и розряд чинил Илья Бунаков, учиня съезжей двор за городом в остроге» [12. С. 38]. З.Я. Бояршинова уточнила, что это был двор казака Семёна Халдеева в нижнем остроге [22. С. 196].

Документы, отложившиеся в архивном фонде Сибирского приказа, которые используют исследователи восстания 1648 г., позволяют конкретизировать топографию событий. Так, Н.Н. Покровский целиком приводит заручную «роспись», поданную подъячим М. Колмогорцем в 1651 г. в Сибирский приказ. В ней томский служилый человек рассказал, как 15–16 апреля 1648 г. он пострадал от рук восставших. Сначала его били на собственном дворе

в Томском городе, потом «сволокли на Ушайку реку на мост», где хотели «колом ушибнуть до смерти и вкинуть в Ушайку реку» [13. С. 78]. Будь Томское укрепление на северо-западном мысе или в любом другом месте, далековато было бы тащить Колмогорца до Ушайки, наверняка ему угрожали бы по-иному.

Мысль о перестройке первого Томского укрепления зрела довольно долго. Ещё в 1630-х гг. в посланиях из Москвы говорилось о необходимости «в Томском городе острог зделать новый, потому что в Томском город и острог огнил и развалился...» [Цит. по: 20. С. 33]. В 1644 г. началось сооружение нового воеводского дома, при этом стало известно, что воевода Осип Щербатый распорядился использовать бересту, привезённую для покрывки церкви, для своего дома. Естественно предполагать, что дом для воеводы строили не на голом мысе, а в укреплении. И если учесть имеющиеся документальные данные о том, что в 1649 г. воеводский дом находился в новом Томском городе [13. С. 312, 320], то надо думать, что его изначально построили на южном мысе Воскресенской горы и нигде иначе. Ведь о том, что воеводский двор ставили в 1644 г., есть немало свидетельств, а о его переносе куда-либо ни одного [См., например, 13. С.106, 111].

О постройке в 1648 г. нового «города» в Томской крепости сообщалось в столбцах Сибирского приказа, хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции, которые сотрудник этого архива Н.Н. Оглоблин дал «в извлечениях, с сохранением наиболее характерных мест и выражений подлинника». Так, излагая «Наказную память новым томским воеводам 157 г.», он писал: «Когда в 156 г. решено по государеву указу и «по градской скаске» перенести Томский «город» на новое место и уже начата была постройка нового «города», Илья Бунаков, пользуясь болезнью князя Щербатого, сначала мешал этой работе, а потом и совсем остановил ее. Он распустил рабочих, запретил «градским людям» давать деньги на работу, «горододельца» Петра Терентьева «называл изменником», как и князя Щербатого, за неправильную якобы постройку крепости. Бунаков собирался с весны строить «город» на другом, избранном им месте, а не на том, которое избрал князь и градские люди. Они не слушались Бунакова, отстаивая и продолжая уже начатую постройку. Бунаков «лаял» князя за эту постройку, затем «стакался» с Плещеевым и Пушным с товарищи, начавши с ними «заводы заводить» против Щербатого» [21. С. 8].

Подробно о выборе места для нового строительства и самом сооружении нового «города» (то есть укрепления) писал Н.Н. Покровский. Используя документы Сибирского приказа, он неоднократно обращался к обстоятельствам постройки новой крепости, справедливо замечая, что строительство городских укреплений в те времена было делом вполне привычным. Однако проводившееся в условиях восстания, когда одна часть томичей противостояла другой, строительство привлекало к себе большое внимание горожан. По сведениям Н.Н. Покровского, спор о новом строительстве разгорелся еще в 1647 г., когда князь О.И. Щербатый призвал служилых к съезжей избе и велел им «делать город новый» [13. С. 99–100]. Большинство споров велось не о месте расположения крепости, его выбрали «всенародно с молебном»; несогласия горожан с воеводой составляли денежные дела, а больше всего

то, что к строительным работам привлекли наёмных плотников, и для оплаты их труда обложили служилых людей и пашенных крестьян денежной повинностью [13. С. 100–101, 105, 131, 132–135]. Вследствие несогласий строительство чрезвычайно задерживалось. Так, осенью 1647 г. из-за распрей между первым и вторым воеводой пришлось даже разбирать начатую постройку, а затем возводить её заново. Пыткам и членовредительству подвергались строители-плотники и их руководитель Пётр Терентьев: он едва не погиб от побоев и не мог несколько месяцев работать, а без его руководства плотники работать не решались. Тем не менее начатые осенью 1647 г. строительные работы были завершены в сентябре 1648 г., когда, согласно отписке воеводы Осипа Щербатого, город был «срублен и покрыт», и «на городских воротах, на притворех и на стенах» укрепления были прорублены бойницы [13. С. 156]. По мнению Г.Ф. Миллера, поддержанному и Н.Н. Покровским, новую крепость построили, на удивление, быстро и прочно. Торопились и работали так качественно, конечно же, стремясь получить защиту от кочевников. И новое укрепление было построено как раз вовремя, так как в мае 1648 г. к томичам обращались за помощью красноярцы, опасавшиеся возможного нападения аринцев, а в январе 1649 г. жители соседних с Томском Шегарских юрт подверглись нападению «колмаков» [13. С. 164–165].

Нужно заметить, что в 1648 г. построили только крепостные стены, ни в одном из документов не говорится ни о каких-либо сооружениях внутри укрепления, ни о создании нового острога. Ничего нового не строилось ни в 1649 г., ни позже, иначе об этом было бы сказано в финансовых документах, а в сохранившихся текстах присутствуют только расчеты с плотниками за 1648 г. Возникает вполне естественный вопрос, когда же были построены все жилые и хозяйственные помещения в новом «городе»? Тот факт, что в апреле 1648 г. съезжую (приказную) избу противники князя Щербатого переместили из крепости в посад, упомянут в документах много раз [13. С. 54, 89, 127]. Точно так же неоднократно упоминается о переводе аманатского двора на новое место, «на казачий двор к Миньке Глухомцу», о переводе на время восстания посольского двора на частный казачий двор Никиты Кинозера (они оставались там и в 1649 г.) [13. С. 160, 198, 200; 21. С. 13]. Конечно же, все эти перемещения были обусловлены желанием восставших держать управление Томском в своих руках. Н.Н. Покровский по этому поводу писал, что 13 апреля 1648 г. было принято принципиальное решение вывести воеводскую канцелярию «из административного центра города и перенести на новое место, в казачий жилой район, в частный дом казака Д. Халдея» [13. С. 89]. Но, как уже отмечалось, нет ни одного свидетельства о перемещении, скажем, соборной Троицкой церкви или воеводской усадьбы. Единственным возможным объяснением происшедшего может быть только то, что новый «город» строили на месте старого или в непосредственной близости к обветшавшему укреплению, а точнее в стенах верхнего острога, который и служил достаточно надёжной защитой от внезапного нападения неприятеля.

Укрепить в данном предположении позволяет внимательное прочтение «Росписи Томскому городу и острогу» 1626/27 г. и сопоставление этого документа с планом Томска, составленным в 1767 г. профессиональным топо-

графом Петром Григорьевым (в отличие от современных карт план спроецирован с востока на запад, а север – слева). Оригинал плана ныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, публикация плана осуществлена по архивному подлиннику в книге «Томск: история города в иллюстрациях» [15. С. 30–31]. Фрагмент плана П. Григорьева (см. Приложение) даёт возможность увидеть, что ещё в конце XVIII в. Воскресенская гора имела несколько иные очертания, нежели сегодня. На старых картах хорошо видны и другие изменения томского ландшафта. Так, русло Ушайки, особенно ее устье, имело другую конфигурацию: на плане, подготовленном Петром Григорьевым в 1767 г., хорошо видно, что, приблизившись к Томи в том примерно месте, где она ныне впадает в большую реку, Ушайка резко поворачивала к югу и, образовав довольно большой мыс-полуостров, втекала в Томь. Точно так же по территории Томска протекали речки, ныне исчезнувшие, имелись озёра и другие теперь забытые природные объекты.

В юго-восточной части южного мыса Воскресенской горы на плане П. Григорьева виден довольно обширный отрог, скорее даже небольшой мыс, а на восток от южного мыса отходит узкая у основания и расширяющаяся к своему окончанию коса. На ней даже имелась какая-то постройка. Оба образования, видные и на карте архитектора А.П. Деева 1818 г. [15. С. 44–45], ныне отсутствуют. Вероятнее всего, их уничтожили в середине XIX в., когда, согласно документу, приведённому М.П. Чёрной, южный мыс подрывался некоторыми домовладельцами, жившими под горой, «для приобретения себе более места» [1. С. 30–31]. Однако небольшие возвышения на месте двух исчезнувших природных объектов – юго-восточного мысика и восточной косы – сохранялись в продолжение многих десятилетий, они отчётливо видны на карте Томска, изданной в 1933 г. [23].

Нанесённый на томские карты конца XVIII – начала XIX в. юго-восточный мыс по своим размерам и ориентации в пространстве вполне соответствует описанию Томского города, составленному в 1626/27 г. В «Росписи» говорится, что передняя стена Томского города равна 20,5 сажени, именно такова примерная ширина юго-восточного отрога в его основании. Далее в «Росписи» сообщается: «И в той передней стене от Воротней башни к Ушайке реке до Наугольной башни 9 городен». Никакой другой вариант расположения Томского города, ни на самом южном мысе (по устоявшемуся в литературе мнению), ни на северо-западном мысе (по версии М.П. Чёрной), не обеспечивает направления стены от Воротней к Наугольной башне в сторону Ушайки. Такое направление было возможно только на юго-восточном мысике, и это хорошо видно на плане города, выполненном Петром Григорьевым.

От передней стены, согласно «Росписи», строилась другая стена – «от болота», и действительно, юго-восточный мыс слева подпирала заболоченная местность, которая до сих пор именуется Болотом. Задняя стена Томского города длиной всего 6 сажений идеально вписывается в острое окончание юго-восточного мысика. Самое важное в сличении письменного и картографического источников заключается в том, что о четвёртой стене, соединявшей угловые башни задней и передней стен, в «Росписи» сказано, что она – «от Ушайки реки». Будь первый Томский город построен на южном или же

на северо-западном мысе четвёртая стена никак не могла быть обращённой к Ушайке, а выстроенная на юго-восточном мысике, стена буквально шла вдоль речки, которая именно здесь делала изгиб, как бы омывая юго-восточный отрог южного мыса. Именно в эту четвёртую стену была первоначально встроена воеводская изба, ставшая частью укрепления [10. С. 44]. Размеры и топография юго-восточного мыса определили и контуры, и размеры Томского города, особенности которых исследователи объясняли различными внешними причинами. Так, сотрудник Томского областного краеведческого музея Н.М. Петров, который разработал модель Томского города, а затем и создал его макет, писал: «Положение стены городской – четвёртой (от Ушайки реки) первое время было «камнем преткновения» в работе по воссозданию плана Томского города. Дело в том, что при нанесении размеров задней стены (6 саж.) и четвёртой городской «от Ушайки реки» (39 саж.) остаётся вне стен города некоторая часть участка верхней площадки мыса горы в юго-западной части. «Загородить» же её на плане всю – значило бы грубо нарушить указания росписи...». Автор макета объяснил особую неправильную форму укрепления торопливостью строителей ввиду приближения зимы: «...И ввиду очевидного недостатка времени строители решили изменить возможно существовавший вначале план создания широкой задней стены по всей южной стороне горы и вынуждены были, заставив её по обеим сторонам задней башни «вместо городовые стены... острогом», четвёртую стену вести не по западному обрыву мыса, а через полянку – к воеводским хоромам...» [24. С. 73].

Точно так же соответствует рельефу части юго-восточного и всего южного мыса и построенный вслед за городом острог. Передняя стена острога составляла 67 саженей, а это примерно и есть поперечник южного мыса в самой его узкой части. Другая острожная стена «от Томи реки» действительно идет практически параллельно берегу Томи, чего явно не было бы, если бы острог был выстроен на северо-восточном мысе, западный обрыв которого расположен наискосок от Томи и глядится в соседний овраг. «Томская» стена острога от передней стены до взвозной Бугровой башни имела 88 саженей, расстояние от взвозной Бугровой башни до острожной башни, согласно «Росписи», составляло 169 саженей. От острожной башни, в которой были устроены ворота для въезда, до передней городской стены насчитывалось 35 с половиной саженей. Вся острожная стена «от Томи» равнялась 297 саженям, что примерно и составляет, судя по плану Петра Григорьева, расстояние от самого узкого места южного мыса до юго-восточного мысика.

Третья острожная стена длиной 238 саженей соединяла Наугольную и Отболотную башни и шла вдоль болота [10. С. 45]. Как видим, «болотная» стена была на 60 саженей короче «томской» стены, и это вполне объяснимо, если смотреть на план южного мыса, который заметно выпячивается в юго-западной части и этим удлиняет линию острожной стены [15. С. 30–31].

Всматриваясь в карту П. Григорьева, на которой изображена крепость 1648 г., можно с уверенностью говорить о том, что новое укрепление было выстроено на южном мысе внутри первого острога, чуть севернее обветшавшего «города» на юго-восточном мысике. Новые крепостные тарасные стены поставлены в некотором расстоянии от старых острожных стен, и новое го-

родское укрепление явно уже острога. Впоследствии, когда края южного мыса обвалились, исчезли и остатки острожных укреплений, ведь тарасы Томской крепости, раскопанные М.П. Чёрной, расположены буквально по краю обрыва в восточной части мыса и вовсе исчезли в его южной части [1. С. 49–51].

Подтверждение того, что новая крепость была построена поблизости от старого острога (или даже внутри него), можно найти в монографии Н.Н. Покровского, в которой упоминается, например, о караульне, действовавшей в декабре 1648 г. «у задних острожных ворот», о прибытии в августе 1649 г. в Томск новых воевод Волынского и Коковинского. Согласно правилам, они потребовали от прежних воевод О.И. Щербатого и И.Н. Бунакова передать им город, а именно «...печать царства Сибирского Томского города, и город и острог, и городовые, и острожные ключи, и, взяв с собою городничих, идти бы нам... по городу и по острогу, и пересмотреть на городе и на раскатах всякого наряду и городовых и острожных крепостей, и слухов, и подкопных мест...» [13. С. 258, 320]. Вполне очевидно, что после завершения строительства новой крепости острог остался на своём прежнем месте, сохранив оборонительное значение. Нельзя пренебрегать и свидетельством Г.Ф. Миллера, видевшего на южном мысе Воскресенской горы, примерно в 200 сажнях от крепости, построенной в 1648 г., башню, «оставшуюся от старого острога, который был построен в 7112 г.» (то есть 1604 г.) [16. С. 73].

Сопоставление данных «Росписи» 1626/27 г. с григорьевской картой XVIII в. показывает, что и в старину умели точно и достоверно описывать местоположение города. А причины, по которым во время археологических раскопок М.П. Чёрной на южном мысе не были обнаружены «культурные напластования» первой половины XVII в., объясняются тем, что юго-восточный мысик, где стояла первая томская крепость, был бесследно уничтожен. К тому же следует, на мой взгляд, задаться вопросом, а не были ли некоторые из найденных археологами предметов принадлежностью более раннего, чем середина XVII в., времени?

Несомненной заслугой М.П. Чёрной является то, что она первой из историков обратилась к изучению городской топографии, привлекла к исследованию ранее не использовавшиеся вещественные источники, обнаружила большие пробелы в знании о первом томском укреплении и попыталась их восполнить. Но, подойдя к решению проблемы как специалист-археолог, используя только археологические данные и игнорируя сведения письменных и картографических источников, она высказала лишь весьма волнующую гипотезу, не прошедшую проверки на опыте. Приведённые в данной публикации факты и суждения, опора на широкий круг письменных и картографических источников, удостоверяют, что Томск был основан в 1604 г. на южном мысе горы, позже названной Воскресенской, а также и то, что город действительно имеет хорошую историческую память.

Литература

1. *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблема реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
2. *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.

3. *Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Со вступительной и заключительной статьями П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в.* СПб., [1911]. 169 с.
4. *Наказ Бориса Годунова Г.И. Писемскому и В.Ф. Тьркуву о строительстве Томского города / Публикация З.Я. Бояршиновой // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 41–44.*
5. *Ремезов У.С. История Сибирская // Памятники литературы древней Руси: XVII век. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 2. С. 550–574.*
6. *Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск: История и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 12–21.*
7. *Грамоты 1556–1635 гг. // Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 325–450.*
8. *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.1: Поселения и жилища / Отв. ред. Л.М. Плетнёва. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Кн. 1. 485 с.*
9. *Чёрная М.П. Средневековый Томск в исторической ретроспективе и перспективе // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска): Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск, 2005. С. 13–19.*
10. *Роспись Томскому городу и острогу и что на городе и на остроге наряду и в государеве казне пушечных запасов и свинцу и в государевых житницах всяких хлебных запасов нынешнего 135 году сентября по день / Публикация З.Я. Бояршиновой // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 44–45.*
11. *Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральными. М.: Университетская типография, 1900. 394 с.*
12. *Книга записная / Под ред. З.Я. Бояршиновой и В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 118 с.*
13. *Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.*
14. *Беликов Д.Н. Старинный Свято-Троицкий собор в г. Томске. Томск, 1900. 30 с.*
15. *Томск: история города в иллюстрациях. 1604–2004 / Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.*
16. *Миллер Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. / Публикация А.Х. Элрета // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 65–84.*
17. *Отписка царю Василию Ивановичу Ивановичу воеводы Василия Волынского, 1609 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 183–186.*
18. *Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором университета Академии Наук и Социетета англинского членом. Часть первая. СПб., 1750. 16, 457, 37 с.*
19. *Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. Вып. 4. 292 с.*
20. *Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 21–48.*
21. *Оглоблин Н.Н. К истории Томского бунта 1648 года. М., 1903. 24 с.*
22. *Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Серия историко-филологические науки. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.*
23. *Топографический план г. Томска: Составлен по истинному меридиану из измерений в натуре, произведённых в 1930–32 гг. техперсоналом съёмочно-инвентарного бюро Томского горкомхоза по руководством старшего производителя работ Д.Я. Мамонтова и при консультации инженера Е.М. Ольховского / Издание Томского городского коммунального хозяйства. [М.], 1933.*
24. *Петров Н.М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII века // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 59–78.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

